

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524

**«НОВЫЕ ВОЙНЫ» И ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА.
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ****«NEW WARS» AND THE PROBLEM OF TERRORISM.
PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS****¹⁾А.В. Артюх, ²⁾А.В. Борисовский
A.V. Artyukh, A.V. Borisovskiy**

¹⁾Белгородский государственный аграрный университет,
Россия, 308503, Белгородский р-н., п. Майский, ул. Вавилова, 1
²⁾Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

¹⁾Belgorod State Agrarian University,
1 Vavilova St, Belgorod rn., P. Maisky, 308503, Russia
²⁾State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация

«Новые войны» как сложная форма совмещения войны и терроризма существенно расширяют поле включенных в него антропологических фигур. Понимание терроризма как фигуры-оппонента национального государства имеет совсем недавнюю историю и довольно ограниченные границы. Субъект национального государства и сообщества, также как гомогенность национальных и классовых форм солидарности поставлены под вопрос глобализацией и провалом социалистического движения, что открывает возможность других проектов. Наряду с привычными фигурами по обе стороны жестко установленных границ (комбатант и некомбатант, граждане определенного государства), реальность «новой войны» наполнена другими фигурами, среди которых не только военные и гражданские, но и сотрудники частных военных компаний (частные армии), преступные сообщества, добровольцы и беженцы. И потому борьба с современным терроризмом – это не только задача правоохранительных органов, но и общие усилия представителей власти, религиозных и общественных деятелей, общества в целом.

Abstract

The article notes that “new wars” as a complex form of combining war and terrorism significantly expand the field of anthropological figures included in it. It emphasizes that the understanding of terrorism as an opponent of the nation state has a very recent history and rather limited borders. The subject of the national state and community, as well as the homogeneity of national and class forms of solidarity are called into question by globalization and the failure of the socialist movement, which opens up the possibility of other projects. Along with familiar figures on both sides of rigidly established boundaries (combatant and non-combatant, citizens of a particular state), the reality of the “new war” is filled with other figures, including not only military and civilians, but employees of private military companies (private armies), criminal communities, volunteers and refugees. And because the fight against modern terrorism is not only the task of law enforcement, but the common efforts of government officials, religious and public figures, and society as a whole.

Ключевые слова: война, терроризм, насилие, государство, нация, человек.**Key words:** war, terrorism, violence, state, nation, person.

Феномены войны и терроризма имеют длительную историческую перспективу и антропологическую глубину. Теоретические концепты и идеологемы, связанные с этими социокультурными реалиями, достаточно многочисленны, и часто существующий уровень философских и междисциплинарных исследований не позволяет в полной мере эксплицировать эти феномены в их культурно-исторической перспективе и подвижности. Противопоставление войны и терроризма, их различие, слияние и наложение послужат общим теоретическим «фоном» данной статьи, основным объектом которой является человек, который при достаточно устойчивых определениях в формате «классических» войн (деление комбатант – некомбатант) в эпоху «новой» войны лишен таких определений.

Спецификой современной социально-гуманитарной мысли в исследовании феноменов войны и терроризма остается явная или неявная приверженность методологическим и теоретическим схематизмам понимания, сложившегося в эпоху модерна. В отношении войны мы ведем речь, прежде всего, о трактовке войны К. фон Клаузевица [2007]. В его понимании война есть отношения особого рода между государствами, которые посредством насилия навязывают свою волю друг другу. Такое определение очевидным образом находится в контексте новоевропейских идей легитимности власти и функционирования государства, проблемы допустимости насилия, которые были выявлены в новоевропейской философии Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем.

Понятия «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в тот же период. Начиная с XVIII в. в лице М. Робеспьера возникает традиция рассмотрения террора как жестокого, устрашающего насилия в сфере политики с целью реализации прав субъектами революционной власти от имени «народа», «нации», «революции» [Борисова, 2008]. Формируется представление о терроризме как практике устрашения, применяемой как самим государством, так и его противниками в лице революционеров. В работах М. Бакунина, О. Бланки, Л. Гумпловича, К. Маркса, В. Ленина, Г. Маркузе, Б. Савинкова, Ж. Сореля, П. Ткачева, Э. Че Гевары и др. террор соотносится с понятием власти, государства и «освобождения народа».

Война и терроризм как формы насилия в научном дискурсе не пересекались вплоть до современности. Только сегодня понимание терроризма как разновидности войны и военного насилия находит выражение в работах М. Либига, Ф.А. Фрайхер фон дер Хейдте, П.А. Шерера, Д. Стерлинга, Л. Ларуша. В терроризме усматривают разновидность войны (современная нерегулярная малая война или гибридная война) [Hoffman, 2011], которая характеризуется рядом специфических свойств и применением «террористических тактик» (Фон дер Хейдте) [Heydte, 1986]; феномен терроризма определяется как террористическая война, некая новая форма войны, характеризующаяся «силой бессилия» и «игровым характером» (Х. Хофмайстер) [Хофмайстер, 2006]. Одним словом, ранее четкое и ясное разграничение войны и терроризма становится проблематичным и, прежде всего, в отношении четко определенных правил применения насилия.

Мэри Калдор в работе «Новые и старые войны» обращается к понятию «новая война», которая тесно связана с терроризмом. Она определяет «новую войну» через слом устоявшихся и берущих свое начало в эпохе Нового времени формах насилия: «... новые войны влекут за собой размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами или организованными политическими группами), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей, обычно ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц)» [Калдор, 2016: 29]. По мнению М. Калдор «новые войны» возникают, когда государство теряет монополию на насилие. Под влиянием угроз «сверху», вмешательства транснациональных структур, или «снизу» – преступных сообществ, происходит трансформация войны, которая для нас если не совпадает, то сближается практически до неразличимости с терроризмом. При

этом такая эволюция войны является как следствием развития технологий социальных и информационных, так и, в определенном смысле, откатом назад, деградацией устойчивых и регламентированных форм насилия. В этом отношении терроризм как раз и является проблемой – именно в отношении войны как формы насилия, поскольку смешение или союзничество терроризма и войны приводит к новым формам, которые могут быть названы гибридными, по отношению к классическим – деградационными и, несомненно, меняющими статус участников.

На наш взгляд, проблема раскрывается при ответе на вопрос, кто участвует в террористическом насилии. И здесь стоит изменить привычную оппозицию государства и его оппонентов. Стереотип об аутсайдерах и маргиналах, которые противостоят системе, в настоящее время перестает быть таковым. Реальность эпохи модерна скорее заключалась в том, что после создания сильных национальных государств терроризм являлся средством борьбы самих государств друг с другом [Артюх, 2018]. Сама экономика терроризма показывает, что террористические организации всегда нуждались в подготовке, снабжении, финансировании и прочем, что могло дать только государство. Сейчас происходит также, но с некоторыми оговорками – таким источником могут выступать корпорации, диаспоры и собственный преступный бизнес террористов. В общем, практики контроля насилия, созданные в предыдущую эпоху, уже не адекватны тем угрозам, которые создают процессы технической и кибернетической революции, глобализации и регионализации, а также постсекуляризации. Они дают сбой на уровне государства по причине возникновения новых объектов и субъектов насилия (или иных, а не новых).

Тем более стоит вспомнить, что эти формы насилия, которые одновременно являются и формами проявления насилия, и формами его контроля, имеют (в современном виде) не столь уж давнюю историю. Война и революция в современном их понимании сложились в эпоху модерна и образуют единый комплекс с национальными государствами, регулярными армиями, индивидами в качестве «атомов» государства, гражданского общества и политическим партиями как силами на внутригосударственной политической арене. Причем переход к такому положению происходил через насилие, многочисленные буржуазные революции и войны и закончился, с некоторыми оговорками, уже после второй мировой войны.

Бенедикт Андерсон в замечательной книге «Воображаемые сообщества» так пишет об этом: «Первая мировая война положила конец эпохе высокого династического правления. К 1922 г. Габсбурги, Гогенцоллерны, Романовы и Оттоманы стали достоянием прошлого. На место Берлинского Конгресса пришла Лига наций, из которой неевропейцы же не были исключены. Отныне национальное государство стало нормой международного права, так что даже сохранившиеся к тому времени имперские державы вошли в Лигу одетыми в национальные костюмы, а не в имперскую униформу. После катастрофы второй мировой войны волна становления национальных государств переросла в настоящее наводнение. К середине 70-х осталась в прошлом даже Португальская империя» [Андерсон, 2001]. А уже колониальные войны и борьба колоний за национальное самоопределение вызывают на свет такие формы деградации войны и революции, как терроризм. Мы можем считать происходящее деградацией, потому что национальные государства в ходе становления и мировых войн уже выработали «правила игры», которые, впрочем, как показала история, распространялись лишь на них самих. Вне современного «цивилизованного мира» были возможны иные формы насилия, не стесненные международными конвенциями и договорами.

Как показывает Бенедикт Андерсон, национальные государства приходят на смену религиозным сообществам и династическим государствам, которым были свойственны другие формы апроприации насилия, как, например, религиозные войны, бунты, мятежи и прочее. Эти формы ушли в прошлое, но сегодня, как мы можем предположить, возвращаются в новых обличьях, потому, например, заявления различных террористических групп

не распознаются как объявление религиозной войны. Западноевропейский политический и научный дискурс в равной мере оказывается нечувствительным к таким номинированиям, поскольку оперирует другими категориями. Вместе с тем национальные государства с их формами присвоения насилия оказываются довольно недавними образованиями, поскольку еще в начале XX века в Европе существовали династические государства. Как отмечает Б. Андерсон, нации рождаются из сообществ «горизонтально-секулярного, поперечно-временного» типа, в первую очередь, под влиянием капитализма, который стремился к большей прибыли в области книгопечатания и неизбежно был вынужден перейти от латыни к национальным языкам, открывающим огромный европейский рынок. В свою очередь книгопечатание на национальных языках тесно связано с Реформацией – еще одним фактором возникновения наций и национальных государств: «Эксплуатируя дешевые популярные издания, коалиция протестантизма и печатного капитализма быстро создавала огромные новые читательские публики – не в последнюю очередь среди купцов и женщин, которые, как правило, либо плохо знали, либо вовсе не знали латынь, – и одновременно мобилизовывала их на политико-религиозные цели. Это неизбежно потрясло до самого основания не только Церковь. То же землетрясение породило в Европе первые влиятельные нединастические, негородские государства...» [Андерсон, 2001: 63]. И еще одним фактором был сложный процесс постепенной десекуляризации латыни и роста популярности родных языков одновременно с возникновением административных языков на их основе или же другой. В деле собирания наций большую роль сыграли все эти факторы, объединенные капитализмом, который в своей «печатной» форме из множества людей, говорящих на множестве европейских языков, образовывал «воображаемую общность»: «Эти печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Во-первых, и в первую очередь, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков. Люди, говорившие на колоссальном множестве французских, английских или испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только ЭТИ сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально-воображаемого сообщества. Во-вторых, печатный капитализм придал языку новую устойчивость, которая в долгосрочной перспективе помогла выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации... В-третьих, печатный капитализм создал такие языки-власти, которые были отличны по типу от прежних административных местных наречий. К каждому из печатных языков некоторые диалекты неизбежно были «ближе»; они и определили их конечные формы. Их обделенные удачей собратья, все еще поддающиеся ассимиляции складывающимся печатным языком, утратили привилегированное положение, и в первую очередь потому, что оказались безуспешными (или лишь относительно успешными) их попытки настоять на собственной печатной форме» [Андерсон, 2001: 67-68]. Отметим, что Андерсон в своем анализе национализма делает акцент на новой общности, возникающей сугубо мирным путем, но объективным фоном этого процесса была череда конфликтов и войн, причем таких, который Европа ранее не знала. Об этом пишет Ф. Энгельс в работе «Роль насилия в истории», когда некоторым образом раскрывает недостающую часть исследования Андерсона, связывая развитие национального капитализма с беспрецедентным ростом насилия [Энгельс, 2011: 64].

Возвращаясь к проблеме терроризма и войны, стоит сделать акцент на том, что привязка к оппонентам национального государства имеет совсем недавнюю историю и

довольно ограниченные границы. Более того, возникший в итоге субъект национального государства, который Андерсон характеризует как секуляризованный и единичный, является еще одной реальностью наряду с вновь возникающими сообществами. Возможно, концепт Другого, который был отработан в западной философии как сугубо умозрительная конструкция, стал политической реальностью [Борисов, 2018]. Поскольку гомогенность национальных форм солидарности, равно как и классовых, была поставлена под вопрос, глобализацией и провалом социалистического движения, соответственно, открывается возможность других проектов (индивидуальных и коллективных). Наряду с привычными фигурами жестко установленных границ, по сторонам которых находились комбатант и некомбатант, граждане определенного государства, сегодня реальность «новой войны» наполнена другими «фигурами». Среди них не только военные и гражданские, но и сотрудники частных военных компаний (частные армии), преступные сообщества, добровольцы и беженцы.

«Новые войны» как сложная форма совмещения войны и терроризма существенно расширяют поле включенных в него антропологических фигур. И потому борьба с современным терроризмом – это не только задача правоохранительных органов, но и общие усилия представителей власти, религиозных и общественных деятелей, общества в целом. Одной из главных задач представителей власти является совершенствование правовой базы, усиление взаимодействия между соответствующими федеральными органами, разработка контрпропагандистских мер с использованием СМИ и системы образования от школы до высших учебных заведений. В век технического прогресса, всеобщей компьютеризации и информатизации общественных процессов самыми доступными путями распространения террористических и экстремистских идей являются социальные сети и все больше набирающие популярность интернет-мессенджеры, что актуализирует задачу противостояния терроризму на уровне сознания конкретного человека. Ранее защищенное, не участвующее в войне гражданское лицо сейчас также включено в борьбу на уровне идеологий, информационной войны. Поскольку для распространения террористических идей, а также для привлечения к данной деятельности молодежи используются практически все доступные Интернет ресурсы, применяются все возможности социальных сетей, противодействие распространению терроризма в социальных сетях должно строиться на воспитании молодежи в контексте профилактики идеологии террора и экстремизма.

Список литературы

1. Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон–Пресс–Ц: 288 с.
2. Артюх А.В., Борисова О.С., Борисов С.Н. 2018. Насилие, война и террор: философско–культурологическое понимание. Наука Искусство Культура. 4 (20): 5–26.
3. Борисов С.Н., Дмитраков А.М. 2018. К критике биополитики. Небезопасный другой и противоречия безопасности эпохи постмодерна. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2 (26): 5–13.
4. Борисова О.С., Борисов С.Н. 2008. К проблеме дискурсивного исследования истории (на примере революционного терроризма). Гуманитарные и социально–экономические науки. 2008. 4 (41): 33–36.
5. Калдор М. 2016. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., Изд–во института Гайдара: 416 с.
6. Клаузевиц К. 1934. О войне. М., Эксмо, 2007: 864 с.
7. Хофмайстер Х. 2006. Воля к войне или бессилие политики. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия»: 288 с.
8. Энгельс Ф. 2011. Роль насилия в истории. М., URSS: 64 с.

9. Heydte fon der F.A. Modern Irregular Warfare: In Defense Policy and as a Military Phenomenon. New Benjamin Franklin House: 259 p.

10. Hoffman F. 2011. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies: 72 p.

References

1. Anderson B. 2001. Imagined Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. M., Kanon–Press–C: 288 p. (in Russian).

2. Artyukh AV, Borisova OS, Borisov S.N. 2018. Violence, war and terror: a philosophical and cultural understanding. Science Art Culture. 4 (20): 5–26. (in Russian).

3. Borisov S.N., Dmitrakov A.M. 2018. To criticism of biopolitics. Unsafe other and security controversies of the postmodern era. Humanitarian Gazette TSPU them. L.N. Tolstoy: 2 (26): 5–13. (in Russian).

4. Borisova, OS, Borisov, S.N. 2008. On the problem of discursive study of history (on the example of revolutionary terrorism). Humanities and socio–economic sciences, 4 (41): 33–36. (in Russian).

5. Kaldor, M. 2016. New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era. M., Gaidar Institute Publishing House: 416 c. (in Russian).

6. Clausewitz K. 1934. About the war. M., Eksmo, 2007: 864 p. (in Russian).

7. Hoffmeister H. 2006. The will to war or powerlessness of politics. SPb., IC "Humanitarian Academy": 288 p. (in Russian).

8. Engels F. 2011. The role of violence in history. M., URSS: 64 p. (in Russian).

9. Heydte fon der F.A. Modern Irregular Warfare: In Defense Policy and as a Military Phenomenon. New Benjamin Franklin House: 259 p.

10. Hoffman F. 2011. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies: 72 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Артюх А.В., Борисовский А.В. 2019. «Новые войны» и проблема терроризма. Философско-антропологический анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 519–524. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524

Artyukh A.V., Borisovskiy A.V. 2019. «New wars» and the problem of terrorism. Philosophical-anthropological analysis. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 519–524 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524